

В дверном проеме в сверкании молний стоял огромный, по человеческим меркам, силуэт. Когда он сделал шаг в хибару, мне стало дурно. Для начала, несмотря на разделяющие нас четыре метра меня чуть не сбил ног ядреный сивушный выхлоп добра молодца. Далее, пока сей субъект, похожий на слона в посудной лавке, с трудом наклонялся, поднимал дверь и приставлял оную к дверному проему (что, несомненно, должно было восстановить ее статус-кво и намертво перекрыть жуткие порывы ветра гуляющие по нашему дворцу), я рассмотрел его одежду. Теперь я знаю, из-за чего может пищать мода – столь странных одеяний я давненько не видывал – самопальная кротовая шуба (летом, хоть погодка конечно мрачноватая, но все же не зима) с кучей нашитых как придется карманов, хотя если состояние «легкого подпития» у этого громилы перманентно, а свое одеяние он ваял сам...

Когда доблестный лауреат премии «спившийся маргинал века» развернулся и начал рассматривать колоритную композицию «мы не ждали гостей», в которой главную роль играл трясущийся всем организмом защитник и добытчик семьи Дурслей, с ружьем, из которого он сейчас даже в слона бы не попал в упор, ввиду общего тремора всей тушки, я смог оценить его внешность. Я много бродяг и забулдыг за свою жизнь повидал, но в этом времени столь опустившихся разумных не видел еще. Нечесанные волосы, плавно переходящие в бороду, в которой вроде бы кто-то живет, иначе с чего бы ей так подозрительно шевелиться, заплывшие глазки, сигналившие, что их хозяин не просыхает последние лет тридцать, и огромное пузо. Для человека так опуститься можно, конечно, и за год, но энергетика и общие габариты намекали на наличие крови титанов (они же фоморы, йотуны или велеты), а несущий в себе такое наследие спиться за столь короткое время не может по определению. Да и талия бегемота не характерна для носителей этой крови, тут надо изрядно постараться и схлопотать не одно наказание от Магии, чтобы так разнесло. Также, в силу невероятно устойчивой к ядам физиологии потомков титанов, чтобы допить до такого состояния, надо потреблять горючие вещества в промышленных масштабах не одно десятилетие. И вдруг оно заговорило (неужели это тело еще способно на такое?):

— Ну чего, может, чайку сделаете, а? Непросто до вас добраться, да... устал я...

Ага, устал он – пешком, наверное, родимый, добирался, али на лодке с веслом по штормовому морю греб. Дальше он подошел к единственной софе в комнате и грубо согнал с нее ребенка:

— Ну-ка подвинься, пузырь, – хорошо хоть зонтиком не ударил, а только напугал, нависнув над бедным Дадликом. Я хоть и не испытываю нежных чувств к родственникам, но на детей никогда не срывался, какими бы испорченными они ни были. Вправить мозги разговором можно, пугать или рукоприкладствовать – это явный перебор. Кузен спрятался за широкой костью отца. Вместе с хранительницей очага Петуньей.

— А вот и наш Гарри! — прогудел в мою сторону алкоголик со стажем, мне аж закусить захотелось, я так только от его дыхания захмелею.

— Когда я видел тебя в последний раз, ты совсем маленьким был, — сообщило существо. — А сейчас вон как вырос — вылитый отец, ну один в один просто. А глаза материны.

Так, кажется, вот и первый представитель недружественной организации, интересно, его для контраста прислали, чтобы после встречи со своим пока еще неизвестным опекуном, который точно работает на моего Врага, я к нему сразу на шею бросился и посчитал святым. Кстати, в этот момент дядюшка зря о частной собственности заикнулся, ведь его оппонент таких слов точно не знал, что закономерно закончилось самоутверждением над бранным интеллектом (я

это сейчас дядюшку умным назвал? – ужас. Хотя на фоне этого великана...) грубой физической силы. Ружье жалко, однако.

— Да... Гарри, — произнес великан, поворачиваясь спиной к Дурслям. — С днем рождения тебя, вот. Я тут тебе принес кой-чего... Может, там помялось слегка, я... э-э... сел на эту штуку по дороге... но вкус-то от этого не испортился, да?

Есть что-то, что испек этот, прости Сидхартха, индивидуум, я бы не рискнул даже под угрозой пыток. Да и внешний вид «торта» был весьма подозрителен. Так, теперь лицо понаивнее, жалостливый взгляд забитого котенка:

— Вы кто?

Великан забулькал, сивушное амбре усилилось, похоже, это смех, вот распознал — опыт великая сила.

— А ведь точно, я и забыл представиться. Рубеус Хагрид, смотритель и хранитель ключей Хогвартса.

Только ступором можно объяснить то, что я не стал сопротивляться рукопожатию великана. Немного придя в себя, окинул энергетикой хранителя ключей взглядом и не нашел печати клятвы члена персонала Хогвартса, а вот клятва верности какому-то магу на нем была. Аппендикс сигнализировал, что ему ситуация не нравится, копчик телеграфировал по позвоночному столбу, что он уже не хочет в Хогвартс. Мне почему-то тоже резко захотелось отправиться в Шармбатон, там тепло, ласковое море рядом и много красивых девушек, если ничего не изменилось за последние 4 века, как в Британии. Мечты, мечты, родители при жизни подтвердили магический контракт с Хогвартсом, так что выбора нет.

— Ну так чего там с чаем? — спросил он, потирая руки. — Я... э-э... и от чего-нибудь покрепче не отказался бы, если... э-э... у вас есть.

В это верю безоговорочно. Но в этом пятизвездочном отеле бар, к сожалению великана, отсутствовал. Потом позор рода титанов демонстративно зажег огонь в камине... розовым зонтиком. Пафос наше все. Достал из карманов медный чайник, мятую упаковку сосисок, чайник для заварки, кочергу, несколько кружек с выщербленными краями и бутылку с какой-то янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе. Человек-склад, это же какой у него внутренний хомяк-алкоголик, а иной в этой проспиртованной туше не выжил бы? Я сразу проникновенно посмотрел в глаза Дурслю, мысленно пообещав все муки Гадеса, и он внял моему взгляду, запретив всем, включая меня, прикасаться к этой «еде». А я ведь послушный мальчик. Так что от сомнительного угощения уклониться удалось. Так, пора брать разговор в свои руки:

— Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, — вежливо произнес я.

— Зови меня Хагрид, — просто ответил он. — Меня так все зовут. А вообще я ж тебе уже вроде все про себя рассказал — я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс?

— Э-э-э... Вообще-то нет, — не стал я нарушать его ожидания.

Хагрид попытался состроить удивленно-возмущенное выражение лица, что у него получилось не очень хорошо, ну и начал возмущаться и критиковать Дурслей. Все это было настолько наигранно, что даже Дадлик великану не поверил. Мне тут же, на месте, открыли «страшную

тайну» моего магического происхождения. Дядюшка с какой-то обреченностью во взгляде стал подыгрывать Хагриду, у него это, кстати, получалось лучше, чем у великана, которому я мог сказать только: «Не верю». Вот когда он про «что-нибудь покрепче» спрашивал, он в этот вопрос всю душу вложил, и такая искренняя надежда в его испитом голосе была, что Станиславский бы прослезился. Далее мне торжественно было вручено письмо, хотя я первый раз его внимательно прочитал почти неделю назад. Эх, продолжаем представление:

— Что это значит: они ждут мою сову?

— Клянусь Горгоной — я бы не стал эту стерву все поминать, вопреки расхожему мнению и пафосным сказкам Гомера, она вполне себе здравствует, — ты мне напомнил кое о чем, — произнес Хагрид, хлопнув себя по лбу так сильно, что этим ударом вполне мог бы вышибить себе мозги, но к счастью в черепной коробке их уже давно не было, ведь последние нейроны головного мозга он явно пропил еще лет двадцать назад, а думает он сейчас исключительно спинным его собратом. Затем запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда сову — настоящую, живую и немного взъерошенную, готов поклясться, в глазах совы читалась решительная мысль о самоубийстве, — а также длинное перо и свиток пергамента. Хагрид начал писать, высунув язык, а я внимательно читал написанное:

Дорогой мистер Дамблдор!

Передал Гарри его письмо. Завтра еду с ним, чтобы купить все необходимое. Погода ужасная. Надеюсь, с вами все в порядке.

Хагрид

Сей шедевр эпистолярного жанра практически выжал из меня скупую слезу, а когда я подумал, что сову явно для доставки послания достали, мне ее реально жалко стало. Подозрения тут же подтвердились - Хагрид скатал свиток, сунул его сове в клюв, подошел к двери и вышвырнул птицу туда, где бушевал ураган. Настоящий живодер, может быть сова еще одумалась и отложила суицид, а теперь шансов выжить в такую бурю у нее нет. Хотя, я внимательно посмотрел магическим зрением сквозь стену, сова в момент осознания неминуемой смерти передумала и тут же вцепилась в доски стены всеми конечностями, включая клюв — письмо ушло в самостоятельный полет, и это правильно, — и теперь шустро покарабкалась к окну второго этажа. Удачи ей, после такой радикальной попытки избавиться от верной почтальонши, она явно улетит из этой страны, чтобы точно не попасться старым хозяевам на глаза.

— Он никуда не поедет, — подал голос дядя Вернон.

Хагрид хмыкнул.

— Знаешь, хотел бы я посмотреть, как такой храбрый маггл, как ты, его остановит...

— Кто? — с наигранным интересом переспросил я. Что это за ужас, маггл - это название одного вида магических паразитов, довольно мерзких и попортивших много нервов в древности, пока их не истребили. Великан явно назвал так дядюшку, а это довольно грязное ругательство, даже странно что Хагрид такие слова знает.

— Магл, — пояснил Хагрид — Так мы называем всех неволшебников — маглы. Да, не повезло тебе... ну в том плане, что хуже маглов, чем эти, я в жизни не видал.

Дальнейшие препирательства Вернона с Хагридом я пропустил, находясь в состоянии

полнейшего... в прострации. В общем. Если все маги ТАК называют обычных людей, то это, это... Я не знаю как назвать, пожалуй, слово фашизм подходит лучше всего. Ведь таким ругательством можно называть только тех, кого презираешь.

— АВТОКАТАСТРОФА?! — прогремел Хагрид, кажется, пора включаться в разговор

— Но почему? — побольше настойчивости в голос. — И что с ними случилось, с мамой и папой?

— Да, не ждал я такого, — произнес он низким, взволнованным голосом. — Дамблдор меня предупреждал, конечно, что непросто будет... ну... забрать тебя у этих... Но я и подумать не мог, что ты вообще ничего не знаешь. Не я, Гарри, должен бы рассказать тебе обо всем... э-э... но кто-то ж должен, так? Ну не можешь ты ехать в Хогвартс, не зная, кто ты такой.

Сегодня день открытий чудных. Итак, учитывая восхищенное придыхание и засветку клятвы верности, этот Хагрид «человек» директора Хогвартса и Верховного Чародея по совместительству. И этот Белый Шмель знал мою ситуацию. Вот только это бред. Он ведь не только директорскую клятву давал, но и клятву верховного судьи, которая обязывает его неукоснительно и беспристрастно соблюдать Законы. Если он знал о том, «что непросто будет... ну... забрать тебя у этих...», то он обязан был вмешаться, иначе смерть и ОЧЕНЬ неприятное посмертное наказание. Но он, похоже, вполне себе здравствует, а значит клятвы он не приносил. Это что, здесь и сейчас все поголовно маги Британии страдают размягчением головного мозга, и до них не доходит, что не связанный никакими магическими обязательствами разумный, обладающий столь всеобъемлющей властью в пределах государства, может и точно будет творить все что ему вздумается? Ибо абсолютная власть и развращает абсолютно. Да и раз он сам не стал давать клятвы, значит изначально лелеял преступные планы. И почему мой ливер начал подавать сигналы о том, что мы, кажется, нашли обладателя филактерии? Хоть бы я ошибся.

Так, возвращаемся к реальности, благо выражение лица удержал в рамках реакции ребенка на откровения о родителях. Хагрид мне поведал душещипательную историю о злодее, имя которого нельзя называть (нежные какие, имени бояться, хотя какое это имя, кличка какая-то). Дамблдор единственный, кого боялся этот Волдеморт – еще один намек на моего Врага и опять указывает на директора. Дальше о добродетели моих родителей, героичных воинах Света и Добра. Ага, им на момент смерти лет двадцать было, а уже ветераны и герои, верю, а как же. Тем более, по моим воспоминаниям они в основном разговоры о сопротивлении на кухне вели, из разряда "вот бы мы ух". А в конце та же сказочка про смерть родителей и злодея, что и в шумерской истории, даже напрягаться никто не стал, чтобы хоть немного детали пьесы изменить. Мне еще про шрам понравилось: «Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает». Т.е.. если бы это был добрый волшебник, то шрам был бы в виде сердечка и подписи «с любовью от...». А у злодеев стиль минимализма, и остается шрамик-молния.

Мои призрачные надежды, что все обойдется и я в не настолько глубокой яме были разбиты следующей фразой:

— Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привез тебя этим...

Мама, роди меня обратно, я залезу аккуратно. А может ну ее, эту мантию. Ну, отличное наследие, это да. По-другому никак ее владельцем не стать, но как в такой ситуации выплывать из этого коллектора с нечистотами я не представляю. А так, помру, лет через 100 опять на перерождение, поднакоплю силы в нормальных условиях, начну рыть под этого Дамблдора и

остальных. Так, отложили упаднические мысли, я конечно в таких откровенно невыигрышных ситуациях не бывал, но это надо воспринимать как вызов моему опыту и разуму. Еще побарахтаемся. Дальше он мне про «исчезнувшего» Волдеморта поведал (замечочка: у него бы спинного мозга не хватило, чтобы додуматься до того, что злодей не умер окончательно), а еще убедил меня в том, что я волшебник.

Так, похоже, общение родственников и великана зашло не туда. Вот это да, прямое нападение на ребенка и сознательное применение вредящей магии к нему же. Ого, он хотел в свинью несовершеннолетнего превратить, только силенок не хватило. Ну понятно не хватило. Раз ты даже не считаешь свое деяние предосудительным, не в первый раз Закон нарушаешь, с соответствующим наказанием. Ведь потомки титанов всегда были невероятно сильны магически. А ты, Хагрид, в недалеком будущем сквиб. Ага, познакомьтесь, Хагрид, это наказание от Магии, в просторечье откат, откат — это Хагрид, он нападает на детей. Какой милый смотритель и хранитель ключей в школе Хогвартс, он прямо создан для этой должности.

— Просьба у меня к тебе: чтоб никто в Хогвартсе об этом не узнал. Я... э-э... нельзя мне чудеса творить, если по правде. Только немного разрешили, чтобы за тобой мог съездить и письмо тебе передать. Мне еще и поэтому такая работа по душе пришлась... ну и из-за тебя, конечно.

— А почему вам нельзя творить чудеса? — поинтересовался я, хотя догадаться было не трудно.

— Ну... Я же сам когда-то в школе учился, и меня... э-э... если по правде, выгнали. На третьем курсе я был. Волшебную палочку мою... эта... пополам сломали, и все такое. А Дамблдор мне разрешил остаться и работу в школе дал. Великий он человек, Дамблдор.

Чем больше об этом «Великом человеке» узнаю, тем сильнее мне хочется побиться о стену головой, да боюсь, такого испытания стены нашего убежища не выдержат, и дворец сей просто рухнет.

— А почему вас исключили? — все же наивного ребенка надо отыгрывать до конца.

— Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и все такое. И эта... давай на «ты», нечего нам с тобой «выкать», мы ж друзья.

После этих слов он стащил с себя толстую черную крутку и бросил ее к моим ногам. Мне стало дурно.

— Под ней теплее будет. А если она... э-э... шевелиться начнет, ты внимания не обращай — я там в одном кармане пару мышей забыл. А в каком — не помню...

Последняя фраза меня особенно порадовала. Я лучше замерзну насмерть, чем укурюсь этим.

<http://tl.rulate.ru/book/13948/270481>